

условия, которые необходимы для возбуждения уголовного дела. Закон предусмотрел принятие решений (постановлений) об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК РФ), что и осуществляется при наличии соответствующих условий. Однако следует отметить следующее, по отчетности 2-Е Генеральной прокуратуры России в 2013 году следователи Следственного комитета России такие постановления вынесли по 565 695 материалам, следователи и дознаватели МВД - по 6 703 800 материалам, следователи ФСКН - по 16 915 материалам. В то же время прокурорами различных уровней или по их предложению в тот же период было отменено 2 575 024 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, то есть по сути отменялось каждое третье решение.

Е.А. Доля, рассуждая о доказывании в уголовном судопроизводстве, отмечает, что соблюдение требований допустимости обеспечивает формирование доказательств, содержание которых в большей степени будет соответствовать действительности, а следовательно, и способствовать конечной цели доказывания установлению истины [4]. Именно по этому критерию материалы, полученные в стадии возбуждения уголовного дела, могут быть от-

вергнуты в любой последующей стадии как несоответствующие требованию допустимости. Цель первой стадии специфична настолько, что ее инструментарий и его применение отличаются обособленностью по сравнению с последующими этапами судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буторин Л.А. Юридический факт и правоотношения в первоначальной стадии уголовного процесса // Актуальные проблемы юридической науки. Материалы 1-й Международной научно-практич. конференции. Сборник научных докладов. Тольятти Самарской области: ООО «Центр ресурсосберегающих технологий», 2013, с. 41-44.

2. Исаенко В. Проблемы назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы при проверке сообщения о преступлении // Законность, 2014, № 2, с. 46-50.

3. Шишков С.Н. Возможно ли производство судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность 2013, № 10, с. 37-42.

4. Доля Е.А. Уголовное судопроизводство: Онтологические, гносеологические, правовые основы и проблемы истины // Государство и право, 2013, № 11, с. 36.

NOVELTIES AND PROBLEMS FOR A STAGE OF EXCITATION OF CRIMINAL CASE

© 2014

Butorin L.A., docent

Russian University of Cooperation, Mytishi, Moscow region (Russia)

Annotation: Criminal-procedural legislation is being improved, collection of evidence is in a stage of excitation of criminal case, by statistic data decisions are often wrong, objections forensic psychiatric expert examination.

Keywords: Criminal-procedural law, a stage of excitation of criminal case, forensic psychiatric expert examination, novelties in criminal process, statistic data.

УДК 343.1

О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

© 2014

Вершинина С.И., кандидат юридических наук, доцент

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: в статье рассматривается несогласованность правовых норм, регулирующих основания уголовно-процессуального задержания подозреваемого, возникающих до возбуждения уголовного дела. Обосновывается необходимость выделения из уголовно-процессуального законодательства нового самостоятельного вида правового задержания, производимого органами полиции – полицейского задержания. Рассматриваются основания полицейского задержания и общие положения его применения.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, основания задержания, полицейское задержание, захват, доставление, подозреваемый, задержанный, срок задержания, правовое задержание.

Уголовно-процессуальное задержание в юридической литературе исследовано достаточно полно и всесторонне, однако единого представления о сущности и характере данного института не выработано. Ярким примером сказанного является проблема соотношения возбуждения уголовного дела и задержания. Попытки разрешить ее предпринимались в науке уголовного процесса уже не раз. В частности предлагалось выделять в уголовно-процессуальном задержании три этапа — захват, доставление и процессуальное оформление. При этом допускалось утверждение, нелогичное, на наш взгляд, по своей сути: захват и доставление, понималось как фактическое задержание, которое может выходить за пределы уголовно-процессуальных отношений, т.к. применяется не процессуальными субъектами и до возбуждения уголовного дела. Однако по своему содержанию фактическое задержание входит в систему процессуального задержания, т.к. срок процессуального задержания — 48 часов, исчисляется с момента фактического ограничения лица в свободе, т.е. захвата. В связи с этим в теории и практике уголовного процессе произошло размежевание двух правовых категорий: процессуального задержания, определяемого моментом оформления протокола задержания, и фактического задержания, определяемого моментом фактического ограничения лица в свободе.

Нелогичность такого положения очевидна, однако альтернатив ему пока не предложено. На этом фоне высказывание О.И. Цоколовой о необходимости отождествления обозначенных понятий, на первый взгляд, заслуживает поддержки и одобрения. Так, автор утверждает, что «задержание подозреваемого является процессуальным действием с того момента, как лицо доставлено к следователю (в орган дознания). Именно с этого момента начинается фактическое лишение подозреваемого свободы передвижения по процессуальным основаниям, именно с этого момента следует исчислять срок задержания и указывать это время в протоколе задержания» [5 с. 28]. До этого все действия, по мнению автора, рассматриваются как «допроцессуальная деятельность». С таким утверждением трудно не согласиться, и вряд ли кто будет его оспаривать. Однако дальнейшие предложения О.И. Цоколовой трудно принять и разделить. Так, по мнению автора, если задержание производится по возбужденному уголовному делу, то момент фактического задержания определяется его захватом. По всей видимости, процессуальный характер производимому захвату придает сам факт возбуждения уголовного дела, потому что в остальных случаях, в отсутствие вынесенного постановления о возбуждении уголовного дела, момент фактического задержания, по мнению О.И. Цоколовой, следует определять моментом доставления к следователю.

Предложение автора, по-разному определяющее момент фактического задержания лица в зависимости от того, возбуждено уголовное дело или нет, нельзя назвать справедливым. Оно изначально ставит задержанных в неравное правовое положение, что наблюдалось в период действия УПК РСФСР. У одних подозреваемых задержание не превысит установленного 48-часового срока, у других, задержание которых произведено до возбуждения уголовного дела, явно выйдет за эти пределы. В целом такая позиция не приемлема и ориентирует на использование «двойных стандартов» в уголовно-процессуальной деятельности.

Нужны новые подходы в решении обозначенной проблемы. Речь идет не только об органах расследования, уполномоченных производить уголовно-процессуальное задержание, но и о сотрудниках полиции, других правоохранительных органов, непосредственно производящих так называемое фактическое задержание или захват и доставление задержанных к следователю, дознавателю. Противоречивое регулирование данного института создает трудности для всех должностных лиц как на этапе фактического захвата, так и на этапе его процессуального оформления. Очевидно, что уголовно-процессуальное задержание, являясь процессуальным институтом, должно применяться после возбуждения уголовного дела, о чем указано в действующем законодательстве. С другой стороны законодатель закрепляет такие основания задержания и порядок их использования, которые больше определяют полномочия сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих правопорядок и безопасность, чем компетенцию следователя и дознавателя.

Налицо ситуация несоответствия между законом и фактической действительностью: *de jure* органы расследования применяют задержание, *de facto* — применять не могут. И наоборот, полиция и иные правоохранительные органы *de jure* не уполномочены применять задержание, *de facto* — применяют. Из этого следует, что обозначенная проблема явно выходит за пределы уголовно-процессуальной деятельности и решать ее в рамках процессуальных полномочий соответствующих должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство не целесообразно и безрезультатно. Следовательно, необходимо выйти за пределы уголовно-процессуального регулирования, обратиться к действующей системе права и используя другие законодательные акты определить виды возможного правового задержания гражданина, допустившего противоправное деяние.

Общеизвестно, что в правоохранительной деятельности, когда необходимо пресечь попытки лица скрыться, либо подвергнуть его принудительному доставлению в уполномоченный орган власти, перед сотрудниками полиции и других правоохранительных органов часто возникает вопрос о правовых основаниях и форме принудительного доставления гражданина. Выбор, к сожалению, не велик: использовать порядок административного задержания в соответствии с КоАП РФ или уголовно-процессуального задержания, в порядке главы 12 УПК РФ. Других правовых оснований и форм ограничения лица в свободе в действующем российском законодательстве не имеется. Как верно заметил В.Ю.Мельников, применительно к уголовно-процессуальному задержанию, «между фактическим и юридическим задержанием может оставаться временной интервал, измеряемый часами, который в настоящее время представляет собой абсолютную «правовую пу-стоту», поскольку никаких норм, определяющих статус личности в этой ситуации, в уголовно-процессуальном законе нет» [1 с.95]. Развивая дальше это положение добавим, что указанных норм нет не только в уголовно-процессуальном, но и в другом отраслевом законодательстве, регулирующем правоохранительную деятельность.

Такая ситуация парадоксальна и должна быть устранена, т.к. оба обозначенных вида задержания применимы лишь в рамках производств, возбужденных соответственно при обнаружении административного правонаруше-

ния или преступления. Если же говорить о полномочиях полиции по охране правопорядка и пресечению противоправных деяний, то очевидно, что именно они непосредственно вступают в отношения с нарушителями правопорядка и пресекают их противоправную деятельность, квалификация которой на момент возникновения правоотношений, не установлена. Следовательно, ни один из предусмотренных российским законодательством видов задержания в этих случаях не применим.

В связи со сказанным очевидна необходимость введения нового, третьего вида правового задержания лица, не связанного с формальными требованиями процессуального и административного законодательства. Это задержание по своему характеру производно от правоохранительной функции государства, имеет пресекательную направленность и применяется в оперативном порядке. Регламентировать эти отношения процессуальными или административными нормами вряд ли возможно, ввиду неопределенного, чрезвычайного поведения правонарушителя в момент принятия решения о задержании. Значит надо использовать возможности других отраслей законодательства, регулирующих вопросы правоохраны и безопасности. На наш взгляд в таком качестве можно использовать законы о полиции и об оперативно-розыскной деятельности.

Предложение о необходимости введения в законодательство об ОРД и полиции норм, регламентирующих фактическое задержание, уже было высказано В.Ю. Мельниковым в 2005 году [1, с. 97-98] (применительно к милиции), однако смысл этого предложения был несколько иным. Предлагалось действия, связанные с фактическим задержанием лица, его доставлением, оформлением протокола задержания ввести в качестве составляющих в самостоятельный уголовно-процессуальный институт задержания. При этом в законах о милиции (полиции) и оперативно-розыскной деятельности закрепить нормы, регламентирующие деятельность сотрудников правоохранительных органов по осуществлению фактического задержания и доставлению задержанного, т.к. по мнению автора «из содержания ст. 91—92 УПК РФ не видно, как проходит фактическое задержание, кто его проводит, каким документом оно оформляется, кто осуществляет доставку и какое время оно может длиться».

Еще ранее аналогичная мысль высказывалась И.Л. Петрухиным, предлагавшим различать два вида уголовно-процессуального задержания: 1) без предварительного вынесенного постановления, и 2) на основании такого постановления. По мнению автора, задержание первого вида должно применяться сотрудниками милиции (ныне полиции), выполняющими функции по охране общественного порядка, а задержание второго вида — органами расследования после возбуждения уголовного дела [2, с. 279].

На наш взгляд, в сравнении с предыдущими суждениями, которые высказывались в уголовно-процессуальной науке, данные взгляды обладают определенной новизной и логичностью. Таким способом можно решить проблему правового регулирования уголовно-процессуального задержания — заполнить правовой вакуум в части захвата и доставления лиц, подозреваемых в совершении преступлений, посредством регламентации правовой (государственно-властной) деятельности сотрудников правоохранительных органов. Однако в пред-

ложенных концепциях имеется ряд дефектов принципиального характера, препятствующих их реализации в практической деятельности.

Во-первых, какой правовой статус будет иметь деятельность сотрудников полиции по задержанию? Судя по тому, что фактическое задержание и доставление одновременно являются «составляющими самостоятельного уголовно-процессуального института задержания», необходимо признать их процессуальный характер и согласиться с тем, что процессуальная деятельность будет осуществляться не процессуальными субъектами самостоятельно, независимо от указаний органов расследования и вне контроля с их стороны. Очевидно, что на момент задержания преступника на месте совершения преступления, органы расследования не могут контролировать деятельность полиции, ввиду фактического отсутствия у них информации о преступлении. Признание этого положения в действующей системе судопроизводства недопустимо, т.к. ставятся под сомнение основы существующей организации предварительного расследования преступлений и разрешения уголовного дела. Более того, не всегда начавшаяся «процессуальная» деятельность сотрудников полиции по фактическому задержанию, перейдет в действительную процессуальную деятельность и получит закрепление в качестве процессуального задержания подозреваемого. Как же в этом случае оценивать полученные результаты и можно ли такое «несанкционированное» фактическое задержание, исчисляемое несколькими часами, рассматривать в дальнейшем как процессуальное, вызывающее соответствующие последствия для задержанного? По всей видимости, нет.

Во-вторых, деятельность полиции по охране правопорядка значительно шире ее борьбы с преступностью. Полиция как раз тот орган государственной власти, который первый сталкивается со всеми видами противоправного поведения, пресекает его и обеспечивает правопорядок в обществе. Предлагаемая В.Ю. Мельниковым регламентация фактического задержания в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности (т.е. в отношении лиц, причастных к совершению преступлений), сделает нормы узконаправленными и не позволит применять их для задержания нарушителей по другим основаниям, в том числе при совершении лицом противоправного деяния, правовая природа которого не очевидна; либо для пресечения противоправной деятельности лиц, не являющихся субъектами уголовной ответственности. Соответственно понадобятся дополнительные правовые нормы, предоставляющие аналогичные полномочия сотрудникам правоохранительных органов уже для заполнения правового вакуума полицейского законодательства.

В третьих, возлагая на полицию задачи правоохраны и предоставляя достаточные полномочия, в том числе на применение к нарушителям физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, законодатель не предоставил сотрудникам полиции право производить их задержание и принудительное доставление в отдел полиции для установления обстоятельств произошедшего деяния. Даже накануне первой судебной реформы 1860 г., когда формировался институт судебных следователей, полиция сохранила свое право осуществлять краткосрочное задержание лиц, подозреваемых в совершении преступлений, передав вновь созданному учреждению судебных следователей полномочия по применению всех остальных мер процессуального принуждения [4].

В современных зарубежных государствах такое право полиции также предоставлено и они им пользуются как в отношении лиц, подозреваемых в совершении тяжких преступлений, так и при подозрении в совершение менее тяжких преступлений. Как верно отметил И.Л. Петрухин, «по делам о менее тяжких преступлениях (мисдиминорах), полномочия полиции несколько уже, однако не подлежит сомнению ее право на задержание лиц, подозреваемых в совершении этих преступлений, если они происходят на глазах у полицейского и сопровождаются нарушением общественного порядка» [2, с. 280]. На наш взгляд очевидно, что у полиции, как органа правоохраны и обеспечения правопорядка, должно быть право на задержание правонарушителей, право на их доставление к должностному лицу или в орган государственной власти, уполномоченный на рассмотрение возникшего конфликта. А иначе, как сотрудник полиции должен обеспечить присутствие нарушителя при разрешении спора органами государственной власти?

Действующий закон о полиции уже содержит статью, определяющую полномочия полиции по фактическому задержанию, осуществляемому в порядке исполнения решений других государственных органов и должностных лиц — это статья 14 «Задержание». Следовательно, останется лишь придать ей актуальное содержание, закрепив новый вид правового задержания — полицейское задержание, наряду с полномочиями полиции по уже действующим институтам административного и уголовно-процессуального задержания. Сотрудник полиции, производящий фактическое задержание, должен обладать полномочиями по его правовому оформлению посредством составления соответствующего протокола от своего имени и нести ответственность, в том числе и уголовную, за законность и обоснованность принятого решения.

В качестве оснований полицейского задержания предлагаем рассматривать обстоятельства, перечисленные в ст. 91 УПК РФ, связанные с установлением личности нарушителя и пресечением его преступной деятельности, а именно: если предполагаемый преступник застигнут на месте совершения преступления, на нем указаны очевидцы преступления, на нем обнаружены явные следы преступления, если он пытается скрыться, не имеет постоянного места жительства либо личность его не установлена. Во всех указанных случаях сотрудник полиции вправе подвергнуть гражданина задержанию для выяснения обстоятельств его причастности к происшедшему событию. Лицо, подвергаемое полицейскому задержанию должно получить статус «задержанного» и приобрести права, адекватные применяемым ограничениям, и прежде всего право на помощь адвоката с момента фактического ограничения свободы. Исключив из уголовно-процессуального законодательства указанные основания задержания, мы получим институт, в котором процессуальное юридическое задержание совпадет с процессуальным фактическим, а захват и доставление выйдут за пределы процессуальной деятельности.

После проведенной полицейской проверки, задержанный может быть освобожден либо передан вместе с материалами проверки в орган предварительного расследования. В последнем случае следователь, одновременно с проверкой сообщения о преступлении, проверяет законность и обоснованность действий полиции при производстве задержания. После возбуждения уголовного

дела (преследования), и изменения статуса гражданина с «задержанного» на «подозреваемого», следователь решает вопрос об освобождении либо дальнейшем ограничении подозреваемого в свободе в форме уголовно-процессуального задержания или заключения под стражу. В целях защиты прав задержанных, а также для учета времени полицейского задержания в сроке лишения свободы, необходимо дополнить ч.10 ст.109 УПК РФ, новым пунктом о включении в срок содержания под стражей времени, на которое лицо было подвергнуто полицейскому задержанию.

На наш взгляд общий срок полицейского задержания, ни при каких условиях, не может выходить за пределы 48 часов, при этом для разных оснований задержания можно установить различные сроки. Например, для установления личности — не более 2 часов; для решения вопроса о возбуждении административного производства — не более 3 часов; для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (уголовного преследования) — не более 8 часов и т.д. Полиция, обладающая собственными полномочиями на задержание предполагаемого преступника до 8 часов, получит достаточно времени для объективной и качественной полицейской проверки обстоятельств происшедшего события, посредством установления личности, отобрания объяснений и т.д., либо для доставления задержанного в орган расследования, уполномоченный на разрешение вопроса о возбуждении дела. Орган расследования объективно и беспристрастно сможет оценить обстоятельства задержания, дать им правовую оценку, при необходимости возбудить уголовное дело и самостоятельно определять дальнейшую судьбу задержанного. В противном случае, при отсутствии оснований для задержания, полиция несет ответственность за законность и обоснованность своих действий.

Наделение полиции собственным правовым инструментом кратковременного ограничения лиц в свободе — важный шаг в создании действенного механизма защиты прав и свобод человека и гражданина. Правовая регламентация полицейского задержания позволит контролировать законность и обоснованность его применения в каждом конкретном случае и повысит ответственность сотрудников полиции за результаты своей деятельности. Соблюдение полицией требований закона, прежде всего в части обеспечения прав и свобод задержанного, позволит без труда адаптировать институт полицейского задержания в системе уголовно-процессуального законодательства, посредством признания допустимости результатов полицейского задержания, произведенного в соответствии с законодательством, и возможностью их использования в процессе доказывания по уголовному делу. Как следствие научным и практикам не придется думать, как не процессуальным (полицейским) по своей сути действиям, придать процессуальный характер. А изложенные выше предложения авторов [3; 5] о придании захвату и доставлению процессуального статуса, посредством включения их в УПК РФ, потеряют свою актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения: От подозрения к подозреваемому // Правоведение. 2005. № 2. С. 94 — 104.
2. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М. Юрист. 1999. 392 с.

3. Попков Н.В. Задержание подозреваемого и обвиняемого как вид государственного принуждения. Автореф.диссерт.на соиск.уч.ст.канд.юрид.наук. Н.-Новгород. 2007.

4. Ткачёва Н.В. Соотношение понимания уголовно-процессуального принуждения в XIX – XXI вв. // Материалы международной научной конференции посвящен-

ной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого «Стратегии уголовного судопроизводства» 11-12 октября 2007 г. СПб. 2007.

5. Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе. Автореф. диссерт.на соискание ученой степени докт. юр.наук. М. 2007.

ABOUT THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION THE SUSPECT IS DETAINED

© 2014

Vershinina S.I., candidate of Juris Sciences, associate Professor
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: the article considers the inconsistency of legal norms regulating the grounds of criminal procedure of detention of the suspect, appearing before the criminal case. The necessity of selection of the criminal-procedural legislation of the new independent legal detained by the police - the police detention. Considers the basis of police detention and the General provisions of its application.

Keywords: the detention of the suspect, the reason of the arrest, police detention, seizure, delivery, the suspect is detained, the detention period, the legal detention.

УДК 341

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ ОШИБОК

© 2014

Гогин А.А., доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: в представленной статье рассматривается ряд аспектов, связанных с ошибками в правоповедении и формулируются соответствующие выводы, характеризующие данное сложное явление.

Ключевые слова: закон, ошибка, практика, экстремизм, последствия, причина, условие, ответственность, правонарушение, общество, государство, конфликт.

Анализ отечественных законов и научной литературы говорит о том, что проблемы ошибок в правоповедении представляет собой многоплановое и противоречивое явление, имеющее важное социальное значение. Однако в силу ограниченности объема публикации, остановимся на отдельных моментах, касающихся некоторых сторон данного предмета.

Прежде всего, отметим, что ошибки содержатся в деятельности всех звеньев правотворческой системы (федеральное и региональное законодательство, нормативные акты местных органов власти). Ошибки свойственны работе правоприменительных органов (дознание, предварительное следствие, прокуратура, суд). Ошибки совершаются юридическими лицами (организациями) при решении ими определенных правовых задач в коммерческих, предпринимательских, финансовых или иных сферах и, конечно, многочисленные ошибки присущи физическим лицам (гражданам).

Весьма условно, такие просчеты можно разделить на три уровня, где критерием разграничения выступают степень отрицательного воздействия на духовную, нрав-

ственную, политическую, экономическую, культурную, религиозную и другие области современной общественной жизни, а также объем вреда, причиняемого правам, свободам и сугубо частным интересам отдельных лиц и организаций.

«Существование ошибки в правоповедении неотделимо от функциональной роли, которую она играет в системе правовых категорий. Этот практический аспект юридической формализации общенаучной постановки проблемы ошибок способствует эффективному обнаружению и фиксации случаев проявления ошибки в различных видах правовых отношений и профессиональной юридической деятельности», - подчеркивает А.Б. Лисюткин [1]. По мнению В.М. Ведяхина и А.Ф. Галузина, ошибка вытекает из неправильного применения права и толкования правовых норм, обусловленных неточностью законодательных формулировок, коллизией правовых норм, отсутствием механизма реализации того или иного нормативного акта, низким профессиональным уровнем, а зачастую пренебрежительным отношением к требованиям норм и др [2].